

20 век и мир

НЕ УПРОЩАТЬ СЕБЯ

Что мы потеряли и чего мы ищем? (Беседы в редакции)

№8 1988

Потери бывают разные. Бывают потери, которых не могло не быть, как потеря юности, как потеря родителей уже немолодым человеком. Печалиться о них можно, но рвать на себе волосы и проклинать судьбу нелепо. И бывают потери, которых могло и не быть, которые произошли по случайному стечению обстоятельств, по злой воле, по нашей глупости. Естественно, они вызывают совсем другие чувства. Вообще всякого рода потерь у нас бесчисленно много, но какие относятся к первой, и какие ко второй категории, сказать очень трудно, и очевидно, пока существует историческая наука и вообще социальное знание, это будет дискутироваться и пересматриваться вновь и вновь. Я здесь могу высказать, естественно, лишь свое очень гипотетическое представление, отлично понимая его спорность. По моему представлению, потерь второй категории, которых могло бы и не быть, у нас не так уж много. Наша история была очень жестокой и страшной, но шансов на иной ее ход было очень мало.

Прежде всего, могли бы мы избежать потерь, связанных с революцией? Мне думается, нет. Можно сколько угодно жалеть о действительно поразительном расцвете культуры в начале века, но представить себе, что так могло бы идти и дальше, я не могу. Англия, имевшая парламент с незапамятных времен, могла на протяжении XIX века постепенно расширять доступ народа к избирательному праву. Но представить себе, что в XX веке европейская страна, правящим кругам которой только в 1905 году пришлось из-за революции полуввести полуконституцию и в которой 70 процентов населения были неграмотны, будет развиваться эволюционным путем, невозможно. Поезд эволюционного развития для нее давно уже ушел. Такая страна была обречена на революционный взрыв неизмеримо большей силы, чем взрыв Французской революции, и задавленные 70 процентов, поднявшись, сметя старый режим, неизбежно должны были разрушить и утонченную, и прекрасную культуру элиты этого старого режима. Любая революция, любая резкая и внезапная демократизация общественной жизни неизбежно первоначально означает упадок культуры, но так как нигде не было столь решительного и быстрого подъема столь большой и темной массы, этот упадок у нас должен был быть особенно большим.

Пойдем дальше. Можно ли было избежать потерь, связанных со сталинским террором, коллективизацией и т. д.? Может быть, я сейчас снова расписываюсь в недостатке собственного социологического воображения, но мне думается, что шансы на сохранение нэпа и на постепенное расширение демократических институтов в 20-е — 30-е годы были очень малы, и, напротив, на то, что все пойдет приблизительно так, как оно и пошло, — очень велики.

По-моему, у нас сейчас слишком мало говорят о социальных и культурных причинах сталинизма (хотя о самом сталинизме говорят очень много). Между тем ясно, что подъем колоссальной массы народа с совершенно средневековым сознанием, но с глубочайшей преданностью революционным лозунгам, должен был способствовать превращению революционной идеологии в карикатуру на

средневековую религию, а революционной власти — в карикатуру на самодержавие. Источник сталинизма — это перебравшийся в город мужик, бывший красноармеец, выводящий на курсах ликвидации неграмотных свою первую фразу: «Да здравствует мировая революция!». Достаточно почитать А. Платонова, чтобы увидеть, как все гротески сталинской эпохи возникают из столкновения архаического народного сознания и революционной идеологии. Не для того эти люди умирали, чтобы был нэп с его нэпманами и кулаками, — они умирали за быстрое достижение рая на земле, прекрасного мира всеобщего счастья, и они искали человека, который мог бы указывать путь к этому миру, и тех тайных врагов, из-за которых этот рай почему-то все не наступает. Но когда есть такая потребность, всегда найдется и тот, кто эту потребность удовлетворит. Конечно, может быть это — иллюзия, возникающая из того, что в данной роли мы видели только одного актера (и особенность пьесы такова, что ее можно сыграть лишь один раз), но мне думается, что Сталин сыграл ее бесподобно, как не могли бы сыграть ни Троцкий, ни Бухарин, вообще никто из тех, кто мог примериваться на эту роль. Мы слишком мало думаем об объективных, культурных и социальных факторах, способствовавших сталинизму, и также мало — об объективных факторах, способствовавших последующей десталинизации. Впечатление, что в сознании многих наших публицистов откуда-то, как бог, вернее, черт из машины, выскакивает Сталин и затем так же откуда-то сваливается XX съезд партии и разоблачение культа личности. Между тем есть простые и общеизвестные факты, над которыми стоит задуматься. Эти факты — то, что Н. С. Хрущев был плоть от плоти сталинского аппарата и что большая, даже большая часть этого аппарата его поддержала. Разоблачение культа личности возникло отнюдь не из-за давления каких-то мощных движений снизу. Когда-нибудь эволюция сталинского общества будет изучена. Сейчас мы знаем слишком мало, но ясно, что внутри этого общества вызревали силы, ведущие к его отрицанию. Исчезал — в силу прежде всего изменения социального состава общества, роста образования, переваривания городами нахлынувших в них крестьян — тот фанатизм, который был основной психологической почвой сталинизма. В созданном Сталиным колоссальном бюрократическом аппарате возникли новые тенденции. Многие аппаратчики мечтали, очевидно, о ситуации, когда можно будет перестать ежеминутно дрожать за свою жизнь, когда можно будет жить и работать в обстановке спокойной и стабильной. От субъективных факторов — победы именно Сталина и затем именно Хрущева — зависело, естественно, очень много. Но нельзя забывать, что и тот и другой — скорее актеры, которые могли по-разному исполнять свои роли. Но пьеса была написана не ими — пьесу создавал естественный, закономерный ход истории.

У Хрущева было два основных недостатка в исполнении роли. С одной стороны, он уж слишком был укоренен в сталинском прошлом. Он продолжал обещать скорый рай на земле и искать путей к его скорейшему достижению. Представители аппарата при нем могли не бояться за свою жизнь — после Берии никто не был расстрелян. Но покоя и стабильности не было. Сменявшие одна другую реформы держали всех в состоянии лихорадки. С другой стороны, он уж слишком порвал со сталинизмом. Очень мощные и влиятельные слои общества, отнюдь не желая восстановления сталинского террора, не хотели и «оплевывания» прошлого — в конце концов того прошлого, при котором они формировались и делали карьеры. Хрущев осуждается за «волюнтаризм», и начинается эпоха, которую потом стали называть эпохой застоя. Эта эпоха всем нам не нравится. Но для правильной ее оценки нам надо учитывать два ее аспекта.

Во-первых, в ней продолжалось движение в сторону от сталинизма. Если при Сталине представители аппарата дрожали за свою жизнь, при Хрущеве— дрожали за свои места в вихре хрущевского реформаторства, то теперь они совсем перестали дрожать. Распространилась небывалых размеров коррупция и произошел еще один важнейший социальный процесс — в громадных масштабах произошла передача статусов от отцов к детям. Сформировался слой, который при Сталине лишь зарождался— слой наследственной элиты, вернее — элит разных уровней, переплетенных родственными связями. Везде замелькали те же фамилии, но с иными инициалами. Процесс этот — малоприятный (для тех, кто сам к элитарным семьям не принадлежит). Но одновременно этот процесс создавал гарантию, что никакой сталинизм уже невозможен. Новая элита могла допускать страшные безобразия, но одного она не допустила бы никогда — появления диктатора, который заставил бы ее дрожать за жизнь. Равным образом, никакой почвы для возрождения фанатизма уже не было. Люди второго поколения элиты, с детства хорошо живущие, окончившие английские школы, разъезжающие по заграницам и имеющие доступ к западным книгам, кинофильмам и т. д. — могут быть кем угодно, но не фанатичными догматиками.

Во-вторых, как нельзя соединять все, что нам не нравится, в одну кучу и не видеть, что брежневская эпоха со своими негативными чертами была отрицанием сталинской эпохи с ее совсем другими негативными чертами, так нельзя видеть в брежневской эпохе лишь застой и коррупцию. Перестройка также не свалилась с неба, как вообще ничто с неба не сваливается. Ее идея и силы, ее осуществляющие, зародились в мрачные 70-е годы. И нельзя видеть в нашей бюрократии только застойную и коррупционную олигархию. Это очень сложный социальный слой, с разными тенденциями. «Мазать ее черной краской», одновременно приветствуя перестройку, — абсурд, ибо перестройку принесли с собой и осуществляют люди, прошедшие сквозь огонь, воду и медные трубы хрущевской и брежневской бюрократической иерархии (как «разоблачение культа личности» было осуществлено теми, кто прошел сквозь огонь, воду и медные трубы иерархии сталинской). Проблемы здесь очень сложные, и я высказываю лишь гипотезу, может быть, очень спорную.

Бюрократия не только срачивалась с торговым аппаратом и хапала деньги. Она срачивалась еще и с интеллигенцией, хапала ученые степени и давала образование своим детям. Я думаю, что в этом слое, который, особенно во втором поколении, становится все более образованным и недогматичным, формируется тип, не боящийся потери статуса в условиях демократизации и конкуренции. Этот тип уже не хочет быть «шавкой» при начальстве, у него зародились иные критерии оценки себя и других, иные критерии самоуважения. Он склонен определять свой статус скорее так, как его определяет интеллигенция — по признанию в своей профессиональной среде или публике в целом, а не по месту в иерархии, зависящему от воли начальства. И как становление этого типа, этого подслоя в слое, равно как и колоссальный рост интеллигенции, естественны и закономерны, так естественна и закономерна перестройка.

Мне думается, что если эволюция будет продолжаться, если сохранится преемственность идеологии и элиты, если мы избежим острого социального кризиса (избегнуть которого не так просто, ибо противоречий у нас накопилось очень много и при неблагоприятных обстоятельствах они могут внезапно вырваться наружу), возвращения в каком-либо новом виде сталинизма мы можем не страшиться.

Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, Горбачев — не просто люди, это символы эпох нашего закономерного развития. От них зависело и зависит очень многое, но сама смена эпох — революции, культа личности, отказа от него, бюрократизации и олигархизации, перестройки и демократизации — закономерна. Поэтому так трудно сказать, что мы потеряли из того, что могли бы не потерять.